

Вступление: Сто переписываний, душевный демон зарождается.

Во дворце Икунь жарко горели угли, но они, казалось, не могли разогнать пронизывающий до костей холод и одиночество. Наследная наложница Хуа, Нянь Шилань, склонившись над столом, уже десятый день переписывала «Правила для женщин». Первоначальные гнев и упрямство давно стерлись механическим повторением строк, уступив место почти самоистязательному сосредоточению.

Кончики ее тонких пальцев покраснели и ныли от долгого держания кисти, но она не обращала на это внимания. Слово за словом, строчка за строчкой — аккуратно и ровно, словно пытаясь врезать в плоть и кровь такие понятия, как «покорность», «целомудрие и покой», «добродетель и мудрость». Она больше не швыряла вещи, не бранилась, а только молча переписывала. Изредка поднимая голову, она смотрела в квадратное небо за окном пустыми глазами, в которых теплилась навязчивая надежда.

Сун Чжи, глядя на свою госпожу, испытывала одновременно жалость и страх. Ей казалось, что госпожа подменили — ту живость и своеобразие словно вытянули, оставив лишь тревожное спокойствие и... какое-то невыразимое напряжение, словно она ждала приговора.

— Госпожа, отдохните, поберегите глаза, — с опаской подала Сун Чжи чай с женьшенем.

Нянь Шилань даже не подняла головы, не отрывая кисти от бумаги.

— Осталось еще тридцать семь раз. Если не допишу, как я отчитаюсь перед Императрицей?

Слово «отчитаюсь» она произнесла удивительно естественно, будто одобрение Императрицы стало ее единственной целью. Те туманные слова Цзянь Цю, точно заклинание, пустили корни в ее душе, заставив ее поверить, что за наказанием Императрицы кроются вынужденная «забота» и невысказанные «ожидания».

Она даже начала искать оправдания Императрице: Императрица управляет шестью дворцами, поэтому должна быть справедливой и беспристрастной, а она сама действительно была слишком неводержанна; Императрица приблизила Ань Линжун, возможно, лишь потому, что та достаточно послушна и ею легко управлять, а не из искренней привязанности; а защита в тот день... возможно... возможно, она и вправду боялась, что Нянь Шилань натворит больших бед?

Такое самоубеждение постепенно заменило горечь и гнев в ее сердце на болезненную зависимость и жажду — она жаждала, чтобы взгляд Императрицы снова упал на нее, пусть даже это будет лишь оценивающий, пусть даже все такой же холодный. Ей нужно было доказать, что она ценнее Ань Линжун и больше достойна «заботы» Императрицы.

Прошло еще несколько дней. Когда она переписала девяносто девятый раз, Нянь Шилань была уже почти на пределе. Под глазами залегли темные круги, вся она источала хрупкую

усталость.

И тут наконец прибыл человек из дворца Цзинжэнь. Снова пришла Цзянь Цю.

Сердце Нянь Шилань мгновенно ушло в пятки. Она машинально оправила одежду и волосы, стараясь выглядеть не такой растерзанной.

Цзянь Цю, соблюдая этикет, поклонилась. Ее взгляд скользнул по толстой стопке аккуратно исписанной бумаги на столе, в глазах мелькнуло мимолетное удивление, которое тут же сменилось спокойствием.

— Устный указ Императрицы: Наследная наложница Хуа находилась под домашним арестом для размышлений, известно о ее раскаянии, переписывание было усердным, ее намерения очевидны. В награду жалуются нефритовый жуи. Пусть впредь помнит об уроке и блюдет свой долг.

Никакой отмены домашнего ареста, только нефритовый жуи.

Нянь Шилань застыла на месте, не в силах понять, разочарована она или нет. Она переписала целых сто раз, а получила лишь «ее намерения очевидны» и холодный подарок?

Но следующее движение Цзянь Цю заставило ее вздрогнуть. Цзянь Цю достала из рукава крошечный, искусно сделанный белый фарфоровый пузырек и, не передавая его через Сун Чжи, подошла на два шага и лично вложила его в руку Нянь Шилань, почти шепотом произнеся:

— Госпожа также велела служанке передать это вам. Сказала, что это императорский смягчающий бальзам от шрамов, отлично убирает синяки и отеки. Велела вам... пользоваться осторожно.

Пальцы Цзянь Цю были прохладными, они коснулись ладони Нянь Шилань. Фарфоровый пузырек был и вовсе ледяным, но, казалось, обжигал жаром, мгновенно пронзив болью кожу и добравшись до самого сердца!

Смягчающий бальзам от шрамов...

Она... она все еще помнила ту пощечину?!

Она была не безразлична! Она просто... просто не могла показать этого открыто!

Это лекарство — дар поверх всех остальных, данное только ей! То, что скрыто от всех! То, что... что несет в себе нотку вины и заботы!

Сильное потрясение мгновенно оглушило Нянь Шилань. Сердце бешено заколотилось, кровь прилила к голове. Только что испытанное разочарование исчезло без следа, смытое нахлынувшей, невыразимой горечью и волнением! Она даже почувствовала, как у нее зашипало в глазах.

— Я, ваша наложница... благодарю госпожу за милость! — она крепко сжала пузырек, голос ее дрожал, она почти рыдала.

Цзянь Цю взглянула на ее взволнованный вид, опустила глаза и, сохраняя официальное выражение лица, произнесла:

— Служанка передала, что велено. Позвольте удалиться.

Вернувшись во дворец Цзинжэнь, Цзянь Цю тихо доложила:

— Вещь передана. Наследная наложница Хуа... очень тронута и благодарна.

И Сю подрезала комнатное растение. Услышав это, она не остановилась, лишь равнодушно хмыкнула, словно речь шла о какой-то мелочи.

— Что касается дворца Яньси, — продолжила Цзянь Цю, — Ань-даин сегодня приходила благодарить. Сказала, что у нее... уже больше месяца не было очищения. Но она не уверена и боится, что обрадуется напрасно, поэтому пришла просить госпожу оказать милость и пригласить лекаря для осмотра.

И Сю отрезала засохший лист и едва заметно улыбнулась.

— Вот как? Это хорошо. Пригласи лекаря Чжана. Он искусен в лечении и держит язык за зубами. Пусть тщательно осмотрит и доложит мне.

— Слушаюсь.

Весть не старались скрыть, и вскоре слух о возможной беременности Ань-даин разлетелся по всем Восточным и Западным шести дворцам. Разумеется, он достиг и дворца Икунь, где наложница все еще находилась под арестом.

Если бы это было раньше, услышав такую новость, Нянь Шилань непременно сгорела бы от ревности и устроила бы скандал. Но на этот раз она лишь молча слушала осторожный доклад Сун Чжи, бессознательно поглаживая пальцами холодный фарфоровый пузырек.

Спустя долгое время она прошептала, словно самой себе:

— Императрица... должно быть, рада.

В ее тоне не было и тени зависти, скорее какое-то странное... понимание? Даже оттенок «удовлетворенности» за Императрицу? Словно то, что волновало Императрицу, должно быть важным и для нее.

Сун Чжи в изумлении и тревоге смотрела на свою госпожу, чувствуя, что та становится все более непонятной.

Глубокой ночью, отослав всех, Нянь Шилань осталась одна перед зеркалом. Она осторожно зачерпнула немного бальзама и легкими движениями нанесла его на щеку, где уже давно не было и следа от удара. Мазь была прохладной и имела легкий аромат.

Глядя на свое отражение в зеркале, она вдруг подумала, что та пощечина, возможно, была не такой уж плохой вещью. Иначе разве могла бы она получить эту единственную в своем роде, тайную заботу? Разве могла бы она ощутить ту незаметную нежность, что, возможно, скрывается под ледяным величием Императрицы?

Пусть у Ань Линжун будет ребенок! Всего лишь пешка на шахматной доске Императрицы. А она... она другая. Императрица может наказывать ее, может пренебрегать ею, но после того, как она «раскается», она дарует ей особое, невысказанное «утешение».

Это извращенное понимание породило в ней болезненное чувство удовлетворения и принадлежности. Она словно была крепко привязана невидимой нитью, другой конец которой находился в руках той, что восседала на троне феникса во дворце Цзинжэнь. Она боролась, гневалась, а теперь начала дорожить даже самым слабым движением этой нити.

Холодная золотая клетка, казалось, стала ее единственным пристанищем. А взгляд, который обладательница клетки изредка бросала на нее, стал всем смыслом ее существования.

Она смотрела в зеркало и с огромной осторожностью репетировала покорное, слегка уязвимое выражение лица.

Возможно... когда снимут арест, ей стоит пойти к Императрице... как следует «просить прощения».

<http://bllate.org/book/18894/1846961>